

История политических репрессий в Вологодском крае (1918–1953 гг.): последняя монография профессора В.Б. Конасова

Рецензия на: Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). Изд. 3-е., исп. и доп. Череповец: Порт-Апрель, 2021. 256 с.

Александр Леонидович Кузьминых
Вологодский институт права и экономики
ФСИН России,
Вологда, Россия,
istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Aleksandr L. Kuz'minykh
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vologda, Russia,
istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Аннотация. В рецензируемой монографии на общеисторическом фоне рассмотрены трагические страницы массового террора, деятельность спецпоселений, тюрем и лагерей на территории Вологодчины в период с 1918 по 1953 год. Источниковую базу книги составили архивные материалы, документальные сборники, периодическая печать, мемуарные свидетельства, а также публикации по проблематике исследования. Это позволило автору выйти за рамки традиционных историографических подходов и воссоздать многогранную, с глубоким человеческим измерением историю карательной системы советского государства на примере Вологодского края.

Ключевые слова: СССР, Вологодская область, сталинизм, политические репрессии, депортации, исправительно-трудовые лагеря, тюрьмы, реабилитация жертв политических репрессий

Для цитирования: Кузьминых А.Л. История политических репрессий в Вологодском крае (1918–1953 гг.): последняя монография профессора В.Б. Конасова. *Рецензия на:* Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). Изд. 3-е., исп. и доп. Череповец: Порт-Апрель, 2021 // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1370–92, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-8>

History of political repression in the Vologda land (1918–1953): the last monograph by Professor V. Konasov

Review of Konasov, V.B. History of political repression and penitentiary practices in the Vologda land (1918–1953) [in Russian]. 3rd ed., Revised and Enlarged. Cherepovets: Port-Aprel', 2021

Abstract. The monograph under review considers the tragic pages of mass terror and the activity of special settlements, prisons and labor camps in the territory of Vologda Oblast in the period between 1918 and 1953 against the general historical background. The source base of the monograph includes archival materials, documentary collections, periodicals, memoirs, and the publications on the subject of research. This allows the author to go beyond the framework of traditional historiographical approaches and recreate a multifaceted history of the punitive system of the Soviet state in human dimension on the example of the Vologda land.

Key words: USSR, Vologda Oblast, Stalinism, political repression, deportations, correctional labor camps, prisons, rehabilitation of victims of political repression

For citation: Kuz'minykh, A. "The History of Political Repression in the Vologda Region (1918–1953): the last monograph by Professor V. Konasov." Review of *History of political repression and penitentiary practices in the Vologda land (1918–1953)* by V. Konasov, 3rd ed., Revised and Enlarged. Cherepovets: Port-Aprel', 2021. *Historia provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 4 (2021): 1370–92, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-8>

Изучение истории политических репрессий в СССР по-прежнему остается одним из актуальных направлений современной историографии¹. В 2021 г.

¹ 1929: «Великий перелом» и его последствия: материалы XII Международной научной конференции. Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. / ответственный редактор А.К. Сорокин. Москва: РОССПЭН: Ельцин центр, 2020; Белова Н.А. Уголовно-исполнительная система и ее роль в реализации репрессивной политики Советского государства в 1937–1953 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014; Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. Москва: РОССПЭН, 2004; Кузьминых А.Л., Старостин С.И. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.). Вологда: Древности Севера, 2014; Мозохин О.Б. Право на репрессии: внесудебные

Ассоциация жертв политических репрессий при Совете ветеранов г. Череповца инициировала переиздание книги доктора исторических наук, профессора Вологодского института права и экономики ФСИН России В.Б. Конасова «История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953)», опубликованной пятнадцать лет назад². Это была последняя монография Виктора Борисовича, который скоропостижно скончался в 2008 году. Из-за того, что книга была издана малым тиражом, она, к сожалению, казалась недоступна для широкой читательской аудитории, хотя представляет собой первый в региональной историографии комплексный труд по истории карательной политики и практики в Вологодском крае в советский период.

Виктор Борисович активно участвовал в работе по подготовке Книги памяти жертв политических репрессий Вологодской области, и это во многом определило его компетентность в теме, которой посвящена рецензируемая монография. Важно отметить, что сам автор задумывал свою книгу как вступительный том к Книге памяти, издание которой не состоялось. Вместе с тем, в подготовленном томе В.Б. Конасовым собран и обобщен ценный историографический и фактический материал, позволяющий составить целостное представление о механизме массовых политических репрессий и развитии системы наказаний на территории Вологодского края в 1918–1953 годах.

полномочия органов государственной безопасности (1918–1953 гг.). Москва: Кучково поле, 2006; Сулов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) Москва: РОССПЭН, 2010; Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. Москва: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008; Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск: Поморский университет, 2007; Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. Москва: РОССПЭН: Ельцин центр, 2018.

² Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2006.

Виктор Борисович Конасов (1996 г.)
Источник: личный архив В.Б. Конасова

Зрелый академический ученый и одновременно страстный публицист, Виктор Борисович Конасов в этой книге в полной мере проявил свой многогранный талант. Теоретическая новизна монографии заключается в попытке комплексного анализа репрессивно-карательных институтов советского государства, начиная с советской юстиции и заканчивая тюремно-лагерной системой. Важно и то, что исследование не ограничивается исключительно описанием деятельности репрессивных структур. В нем также представлен обширный биографический раздел, повествующий о судьбах жертв сталинского террора из числа вологжан.

Книга начинается с введения, в котором автор размышляет о природе и сущности сталинизма, критически анализируя доводы сторонников тоталитарного и ревизионистского направлений в историографии. По мнению В.Б. Конасова, сталинский режим, используя административный нажим и террор, популистские меры и манипулирование, сумел привлечь на свою сторону широкие слои населения, которые активно участвовали как в социалистическом строительстве, так и в борьбе с «вредителями» и «врагами народа». Власть мастерски использовала социальную энергию масс для реализации своих доктринальных целей и задач³. Подчеркивая антигуманную

³ Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). Изд. 3-е., исп. и доп. Череповец: Порт-Апрель, 2021. С. 16–17.

сущность сталинизма, автор справедливо осуждает попытки оправдания в современной России политических репрессий эпохи сталинизма.

Положительно оценивая достижения новейшей историографии по изучению истории мест заключения в СССР, историк, тем не менее, обращает внимание на поверхностность и упрощенность многих оценок, их идеологическую ангажированность. Признавая историческую необходимость существования пенитенциарных учреждений, В.Б. Конасов предлагает смотреть на их эволюцию с позиции классического принципа историзма, учитывая специфику ситуации, в которой находилось советское государство в изучаемый период.

В первой главе монографии раскрыты политико-правовые и организационные основы репрессий в первые годы советской власти. Автор приходит к выводам о классовой природе советского уголовного права и идеологической обусловленности «красного террора», направленного против представителей чуждых социальных групп (зажиточное крестьянство, буржуазия, помещики, духовенство, царское офицерство и т.п.). Представляют интерес авторские трактовки происхождения таких сложных социальных явлений как крестьянские восстания, голод, дезертирство. На конкретных примерах показаны проявления террора, как в отношении социальных групп, так и отдельных лиц.

Одновременно с репрессиями происходило развитие системы мест заключения. Новыми типами пенитенциарных учреждений становились лагеря принудительных работ, предназначенные для изоляции политически неблагонадежных лиц и «вредных социальных элементов». Нередко тюрьмы и лагеря располагались в бывших корпусах церквей и монастырей, что объяснялось отсутствием необходимой инфраструктуры. На основе экспериментов по организации массового труда в местах заключения в дальнейшем формировалась советская модель исправительно-трудовой политики.

Во второй главе показаны особенности репрессивных кампаний и политических процессов 1930-х годов. Система террора постепенно эволюционировала, приспособляясь к новым условиям и выполняя новые задачи. В начале 1930-х гг. репрессии стали важнейшим инструментом проведения коллективизации, о чем наглядно свидетельствовала практика раскулачивания зажиточных и середняцких крестьянских хозяйств, сопровождаемая ограничением прав и ссылкой раскулаченных в отдаленные северные и восточные районы страны. Ей сопутствовало мощное пропагандистское обеспечение: на страницах центральных и местных газет выходили статьи с броскими заголовками, призывающими усилить работу по

выявлению кулацкого актива. В.Б. Конасов отмечает, что административный нажим на крестьянство провоцировал ответные меры, в частности, убийства активистов⁴.

Наивысшим пиком террора стала так называемая «кулацкая операция», инициированная приказом НКВД СССР № 00447 от 31 июля 1937 года. Для каждого региона устанавливался лимит на количество репрессированных: по первой категории (расстрел) и по второй категории (заключение в исправительно-трудовой лагерь). Отметим, что пик террора совпал с образованием Вологодской области в сентябре 1937 года. Главным орудием репрессий в регионе стало образованное в то же время областное Управление НКВД, которое возглавил С.Г. Жупахин – доверенное лицо наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова.

Адресность репрессий на региональном уровне, как отмечает автор, была максимально широкой. Они затрагивали руководство партийных и комсомольских организаций, инженерно-технических работников, рабочих и служащих, крестьян. Нередко формальным поводом для репрессий были провалы в развитии промышленности, сельского хозяйства и транспорта, обусловленные форсированными темпами коллективизации и индустриализации. Причиной срывов «планов партии и народа» объявлялась деятельность «вредителей» и «врагов народа», проникших в различные сферы народного хозяйства. В результате к уголовной ответственности привлекались и представители руководства предприятий, и специалисты, и рядовые работники. По чудовищной логике машины террора репрессиям подлежали и члены семей «врагов народа»: их жены и дети. Массовый характер приобрело доноительство, о чем свидетельствуют приводимые автором фрагменты писем советских граждан с призывами арестовать и предать суду конкретных антисоветски настроенных лиц.

Довольно подробно, с приведением конкретных примеров, в книге показаны репрессии органов НКВД против духовенства. По числу арестованных и приговоренных к расстрелу эта социальная группа, пожалуй, не имела себе равных. Только по делу «церковно-монархической повстанческой организации» в 1937 г. были осуждены 345 священников, монахов и монахинь, рядовых прихожан. В целом же с октября 1937 г. по апрель 1938 г. на территории области было «изъято» 1 746 представителей «церковно-кулацкого актива»⁵. Характерно, что в Белозерском и Кирилловском районах, исторически

⁴ Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). С. 43–44.

⁵ Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). С. 54.

являвшихся оплотами православия в стране, репрессии приняли наибольший размах.

Причины свертывания «ежовщины», как в народе называли репрессии 1937–1938 гг., В.Б. Конасов видел в хаотизации террора, начавшемся коллапсе партийно-управленческого аппарата и угрозе фактического выхода органов госбезопасности из-под контроля партии⁶. Ответственность за произвол и беззакония, творившиеся в застенках НКВД, была возложена И.В. Сталиным на исполнителей партийных директив. Органы НКВД были подвергнуты масштабной чистке. Бывшего начальника УНКВД С.Г. Жупахина арестовали 14 декабря 1938 г., а 16 мая 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу за измену Родине, подрыв промышленности, транспорта, торговли и денежного обращения и организацию контрреволюционного подполья⁷. Судьбу своего начальника разделили сотрудники областного и районного аппаратов НКВД, уличенные в грубейших нарушениях социалистической законности⁸.

Еще одним важным фактором, стимулировавшим массовые репрессии, по мнению ученого, стало превращение системы исполнения наказаний в поставщика трудовых ресурсов для советской экономики. Это привело к созданию системы ГУЛАГа и ее бурному росту в 1930-е гг. В начале 1940-х гг. на территории Вологодской области функционировали пять исправительно-трудовых лагерей, которые осуществляли гидростроительные работы по реконструкции Волго-Балтийского и Северо-Двинского водных путей, а также строительство Череповецкого металлургического завода. Большинство из возводимых руками заключенных строительных объектов были законсервированы в годы Великой Отечественной войны.

Третья глава книги посвящена истории вологодской ссылки 1930–1950-х гг. С началом форсированной индустриализации и коллективизации территория региона стала конечным пунктом назначения десятков тысяч кулацких семей, принудительным трудом которых планировалось осваивать природные богатства Северного края. Судя по приведенным в книге фактам, положение ссыльных на Вологодчине было исключительно тяжелым, что проявлялось в неудовлетворительных условиях транспортировки и размещения, тяжелом труде на лесозаготовках, массовой заболеваемости и смертности. Для контроля

⁶ Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). С. 57.

⁷ Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). С. 59–60.

⁸ Более подробно об этом повествуется в книге: Доверено охранять Отечество. (Из истории органов государственной безопасности в Вологодском крае) / под редакцией М.А. Безнина. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 302–310.

за настроениями бывших кулаков и предотвращения побегов был сформирован обширный агентурно-осведомительный аппарат.

Далее В.Б. Конасов показывает особенности депортации и положения на спецпоселении других категорий спецконтингента: финнов-ингерманландцев, выселенных с исконных мест проживания в ходе «зачисток» приграничных территорий накануне войны с Финляндией; польских «осадников»⁹ и «беженцев»¹⁰, депортированных с территории Западной Украины и Западной Белоруссии, вошедших в состав СССР после раздела Польши между Советским Союзом и Германией; советских немцев, чеченцев и ингушей, обвиненных сталинским руководством в массовом коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны; «оуновцев» – членов семей украинских националистов, продолжавших ожесточенно сопротивляться советской власти на территории Западной Украины в послевоенные годы.

В четвертой главе на примере судеб известных военачальников из числа вологжан исследована проблема репрессий в Красной армии и на флоте. Жертвами террора стали: командующий Белорусским военным округом И.П. Белов, командующий Северным флотом К.И. Душенов, заместитель начальника Генштаба РККА В.Н. Левичев и др. Общее число репрессированных лиц высшего командного и политического состава РККА во второй половине 1930-х годов составило свыше 900 чел., большинство из которых были расстреляны. По мнению В.Б. Конасова,

это была самая настоящая катастрофа, несоизмеримая по своим масштабам с потерями генералитета во время Великой Отечественной войны¹¹.

Новая волна репрессий в армии прокатилась летом 1941 года, после начала войны. По мнению В.Б. Конасова, на этот раз ее причиной стало стремление И.В. Сталина переложить ответственность за череду крупных поражений на военное руководство. Характерно, что на грани ареста осенью 1941 г. находился и уроженец Вологодской губернии, командующий 19-й армией И.С. Конев, впоследствии маршал, дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена «Победа», Главнокомандующий объединенными Вооруженными силами государств-участников Организации Варшавского договора. После

⁹ «Военными осадниками» в Польше именовали колонистов из числа демобилизованных участников советско-польской войны 1919–1920 годов. Правительство бесплатно выделило им в пользование земельные наделы («осады») на восточных территориях Польши.

¹⁰ Лица, нелегально прибывшие в западные области УССР и БССР с оккупированных немцами польских территорий. Почти на 85 % беженцы были евреями по национальности, и, опасаясь геноцида со стороны гитлеровцев, стремились попасть в советскую зону.

¹¹ Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). С. 101.

завершения войны репрессии в армии продолжились, примерами чего стали так называемые «авиационное» и «артиллерийское» дела, опала ряда видных полководцев и флотоводцев, например, Н.Г. Кузнецова.

Блестяще написанные В.Б. Конасовым очерки о военачальниках – уроженцах Вологодского края, погибших или пострадавших от беззакония в сталинские времена, – помогают через судьбы конкретных людей глубже понять механизм массовых репрессий (аресты, допросы, пытки, расстрел или направление в лагерь), а также царящую в Советском Союзе атмосферу всеобщей подозрительности и шпиономании. Названия очерков говорят сами за себя: «Защитник и покровитель врагов народа», «Матерый шпион иностранных разведок», «Прошу меня расстрелять, но не бить», «Виновным себя не признаёт», «Я боролся не за такую партию».

В пятой главе дан анализ репрессивной политики и пенитенциарной практики в годы Великой Отечественной войны, которые, с одной стороны, сопровождались ужесточением мер уголовного наказания, с другой, – освобождением отдельных категорий спецконтингента для отправки на фронт в условиях дефицита мобилизационных ресурсов. В экстремальных условиях военного времени были расширены полномочия военных трибуналов, усилена борьба с дезертирами, спекулянтами и распространителями пораженческих слухов. Важно отметить, что автор выступает против укоренившегося в историографии стереотипа оценки работы органов НКВД исключительно в негативных тонах, приводя факты, когда сотрудники органов внутренних дел выявляли нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, боролись с уголовной преступностью, принимали участие в решении социальных проблем населения.

Главными тенденциями в деятельности мест заключения в военные годы являлись эвакуация заключенных из тюрем, лагерей и колоний прифронтовой полосы, беспрецедентный рост заболеваемости и смертности в местах заключения, перевод производственной деятельности исправительно-трудовых учреждений на военные рельсы. Изменение численности и состава спецконтингента сопровождалось появлением новых типов режимных учреждений. На территории области создаются специальные лагеря НКВД для военнослужащих Красной Армии, побывавших в плену у противника или же в окружении, а также лагеря и спецгоспитали для обезоруженных солдат и офицеров противника. Труд военнопленных широко использовался на предприятиях и стройках общесоюзного и местного значения. С бывшими военнослужащими армий противника в лагерях проводили усиленную политическую работу, направленную на их перевоспитание в антифашистском духе. По мнению В.Б. Конасова, жизнь военнопленных за колючей проволокой

протекала «по давно апробированным порядкам ГУЛАГа», несмотря на создание при НКВД СССР специального органа – Управления по делам военнопленных и интернированных¹².

Шестая, заключительная глава монографии повествует о лагерях, тюрьмах и человеческих судьбах в послевоенное десятилетие. Вполне аргументированным представляется вывод автора о том, что лагерная система вышла из войны серьезно ослабленной. Тем не менее, вскоре она вновь стала стремительно разрастаться, достигнув в начале 1950-х годов пика своего развития. На территории Вологодской области в этот период были восстановлены и действовали крупные исправительно-трудовые лагеря – Вытегорский и Шекснинский, осуществлявшие реконструкцию водных путей сообщения. Вместе с тем, к этому времени наметился кризис системы ГУЛАГа, проявлявшийся в потере управляемости огромным «архипелагом», экономических провалах и издержках, росте фактов лагерного бандитизма, саботажа и неповиновения заключенных.

В заключении книги автор пишет о длительном и противоречивом процессе реабилитации жертв политических репрессий, начатом после смерти Сталина и не оконченном до сих пор. В период «хрущевской оттепели» были отменены наиболее одиозные нормативно-правовые акты, пересмотрены сфабрикованные уголовные дела, произведена смена кадрового состава в органах МВД, госбезопасности и юстиции. В результате мартовской амнистии 1953 г. на свободу вышло свыше миллиона заключенных, а вскоре перед судом предстали бывшие руководители органов госбезопасности во главе с Л.П. Берией и В.С. Абакумовым. В центре и на местах начали работу комиссии по пересмотру дел лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. Из-под административного надзора постепенно были освобождены сотни тысяч спецпоселенцев, однако не все, оказавшиеся на свободе, получили возможность вернуться на места своего прежнего жительства.

В так называемый «период застоя» были предприняты попытки вернуться к сталинским идеологическим установкам. Трагические события прошлого снова стали замалчиваться, а процесс реабилитации практически свернули. Новая волна реабилитации жертв массовых политических репрессий пришлась на годы «перестройки». Важнейшим нормативно-правовым актом стал Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», подписанный 18 октября 1991 г. президентом Б.Н. Ельциным. В нем впервые был приведен подробный перечень политических репрессий, а также основания для реабилитации.

¹² Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). С. 106.

В настоящее время база данных «Жертвы политического террора в СССР», составление которой ведет Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»¹³, содержит более 3,1 млн имен граждан, пострадавших от политических репрессий в годы советской власти¹⁴. По данным Е. Жемковой, всего в СССР по политическим мотивам было репрессировано примерно 11–11,5 млн человек, из них 4,7–5 млн человек были подвергнуты политическим репрессиям по индивидуальным обвинениям, 6,3–6,7 млн человек стали жертвами депортаций¹⁵.

В 1990–2000-е годы сотрудниками Управления МВД и Управления ФСБ Российской Федерации по Вологодской области была проведена большая работа по созданию электронного банка данных имен граждан, подвергшихся в годы советской власти политическим репрессиям на территории Вологодской области. В общей сложности электронные базы данных областных УМВД и УФСБ о лицах, преследовавшихся по политическим мотивам, содержат биографические сведения о более чем 36 тыс. человек¹⁶.

Сегодня важнейшей задачей является подготовка и публикация Книги памяти жертв политических репрессий Вологодской области, что возможно осуществить только путем объединения усилий историков, краеведов и архивистов, а также при организационной и финансовой поддержке со стороны региональных властей. Издание подобного мартиролага станет достойным вкладом в изучение истории нашего края, продолжением научных начинаний Виктора Борисовича Конасова и увековечиванием памяти жертв политических репрессий в XX веке.

Подводя итоги, необходимо отметить, что книга Виктора Борисовича имеет большое морально-нравственное значение, так как всем своим содержанием показывает пагубность тоталитарных практик советского государства и недопустимость повторения подобных трагедий в будущем. Можно полностью согласиться со словами автора предисловия книги Александра Зельцера,

¹³ 4 октября 2016 г. Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента».

¹⁴ Жертвы политического террора в СССР // Международное общество «Мемориал». URL: <https://base.memo.ru/> (дата обращения: 31.10.2021).

¹⁵ Жемкова Е. Масштабы советского политического террора // Международное общество «Мемориал». URL: <https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/masshtaby-sovetskogo-politicheskogo-terrora.pdf> (дата обращения: 30.10.2021).

¹⁶ Реабилитация жертв политических репрессий // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/vlast/koordinatsionnye_i_soveshchatelnye_organy/komissiya_po_reabilitatsii_zhertv_politicheskikh_repressiy/reabilitatsiya_zhertv_politicheskikh_repressiy (дата обращения: 31.10.2021).

являющегося председателем правления Ассоциации жертв политических репрессий при Совете ветеранов г. Череповца, а также руководителем проекта «Мы из XX века»:

Какому читателю предназначена эта книга сейчас? Ответу однозначно: думающему патриоту, который хочет видеть свою страну процветающей, но не за счет рабского труда заключенных ГУЛАГа, а ее граждан – обладающими и ответственно пользующимися общечеловеческими правами и свободами, без страха репрессий со стороны государства...¹⁷

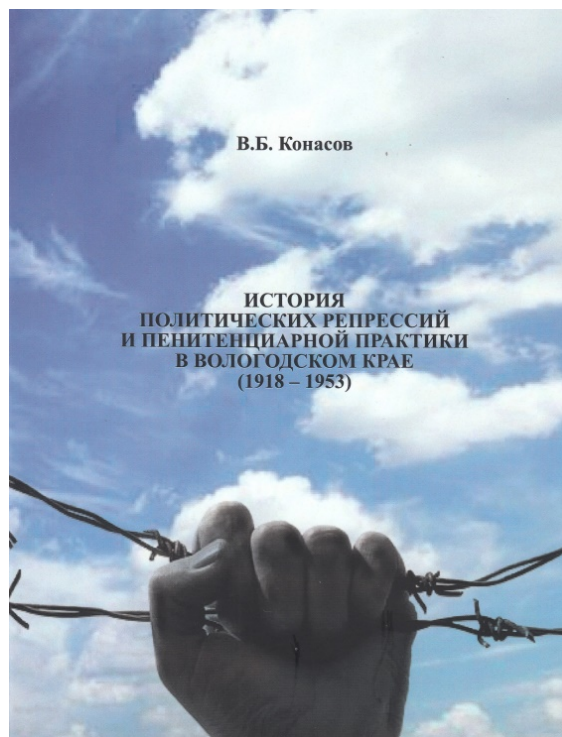

¹⁷ Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). С. 3.

The study of the history of political repression in the USSR still remains one of the relevant areas of modern historiography.¹

In 2021, the Association of Victims of Political Repression under the Council of Veterans of Cherepovets initiated the republishing of the book by Viktor B. Konasov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, *History of Political Repression and Penitentiary Practices in the Vologda land (1918–1953)*, first published fifteen years ago. It was the last monograph by Victor Konasov, who died suddenly in 2008.² Due to the fact that the book was a limited edition, unfortunately, it was

unavailable to the general readership. However, it was the first comprehensive work in the regional historiography on the history of punitive policies and practices in the Vologda region in the Soviet period.

¹ Sorokin, A.K., ed., 1929: *'The great turn' and its consequences: proceedings of the 12th international scientific conference. Yekaterinburg, September 26–28, 2019* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN: El'tsin tsentr, 2020); N.A. Belova, *Penal correctional system and its role in the implementation of the repressive policy of the Soviet state in 1937–1953 (on the materials of the Arkhangelsk and Vologda oblasts)* [in Russian] (Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2014); A.Yu. Vatlin, *Terror on the district scale: 'Massive operations' of the NKVD in the Kuntsevo Raion of Moscow Oblast in 1937–1938* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2004); A.L. Kuz'minykh and S.I. Starostin, *Poles in the Vologda region: repression, captivity, special settlement (1937–1953)* [in Russian] (Vologda: Drevnosti Severa, 2014); O.B. Mozokhin, *The right to repression: extrajudicial powers of state security bodies (1918–1953)* [in Russian] (Moscow: Kuchkovo pole, 2006); A.B. Suslov, *The special contingent in Perm Oblast (1929–1953)* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2010); A.G. Teplyakov, *Machine of terror: the OGPU–NKVD bodies of Siberia in 1929–1941* [in Russian] (Moscow: Novyi khronograf; AIRO-XXI, 2008); N.V. Upadyshev, *The Gulag in the European North of Russia: genesis, evolution, collapse* [in Russian] (Arkhangelsk: Pomorskii universitet, 2007); *The lessons of the October Revolution and the practices of the Soviet system. 1920–1950s: proceedings of the 10th international scientific conference, Moscow, December 5–7, 2017* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN: El'tsina tsentr, 2018).

² V.B. Konasov, *History of political repression and penitentiary practices in the Vologda land (1918–1953)* [in Russian] (Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2006).

Viktor B. Konasov (1996)

Source: Personal archive of V. Konasov

Victor Konasov actively participated in the work on the preparation of the *Book of Memory of Victims of Political Repression in Vologda Oblast*, which largely determined his competence in the subject of the monograph under review. It is important to note that initially the author intended his book to be an introductory volume to the *Book of Memory* which eventually was not published. However, in his volume, V. Konasov collected and summarized valuable historiographical and factual material that allows the readers to see a complete picture of the mechanism of massive political repression and the development of the punitive system in the Vologda region between 1918 and 1953.

An experienced academic scholar and simultaneously a passionate political writer, Victor Konasov demonstrated his many-sided talent to the fullest extent in this book. The theoretical novelty of the monograph lies in the attempt to provide a comprehensive analysis of the repressive and punitive institutions of the Soviet state, from the history of the Soviet justice system to the history of the system of prisons and labor camps. It is also important that the study is not limited solely to a description of the activities of repressive structures. It also includes an extensive biographical section, which tells about the fates of Vologda residents, victims of the Stalinist terror.

The book begins with an introduction, in which the author reflects on the nature and essence of Stalinism and critically analyzes the arguments of the supporters of the totalitarian and revisionist trends in historiography. According to V. Konasov, using administrative pressure and terror, populist measures and manipulation, the

Stalinist regime was able to attract to its side a wide segment of the population which actively participated both in socialist construction and in the fight against the so-called saboteurs and enemies of the people. The authorities masterfully used social energy of the masses in order to achieve its doctrinal goals and objectives.³ Stressing the inhuman nature of Stalinism, the author rightly condemns all attempts to justify political repression in contemporary Russia.

Highly appreciating the achievements of recent historiography in the study of the history of places of detention in the Soviet Union, the historian, however, draws attention to the superficiality and simplicity of some of the offered assessments and their ideological bias. Recognizing the historical necessity of the existence of penitentiary institutions, V. Konasov suggests looking at their evolution from the perspective of the classical principle of historicism, taking into account the specific situation of the Soviet state in the period under study.

The first chapter of the monograph reveals the political and legal as well as the organizational bases of political repression in the first years of the Soviet rule. The author draws conclusions about the class nature of the Soviet criminal law and the ideological conditioning of the Red Terror, which was directed against representatives of alien social groups (against prosperous peasantry, bourgeoisie, landlords, clergy, czarist officers, etc.). The author's interpretations of the origin of such complex social phenomena as peasant uprisings, famine, and desertion are of special interest. The historian provides specific examples of manifestation of terror, both against social groups and against individuals.

Simultaneously with the ongoing political repression, the system of places of detention was developing. Forced labor camps, designed to isolate politically unreliable individuals and "socially dangerous elements" were becoming new types of penitentiary institutions. Often, prisons and camps were located in the former buildings of churches and monasteries, which was explained by the lack of necessary infrastructure. The Soviet model of correctional labor policy was further shaped on the basis of experiments on organizing mass labor in places of confinement.

The second chapter highlights the peculiarities of the repressive campaigns and political processes of the 1930s. The system of terror gradually evolved, adapting itself to new conditions and fulfilling new tasks. In the early 1930s, repression became one of the most important tools of collectivization, as evidenced by the practice of dekulakization of wealthy and middle-income peasant households. This process was accompanied by the restriction of rights and exile of those who survived dekulakization to the remote northern and eastern regions of the country. It was also accompanied by powerful propaganda support. The pages of central and local

³ V.B. Konasov, *History of political repression and penitentiary practices in the Vologda land (1918–1953)* [in Russian], 3rd ed. (Cherepovets: Port-Aprel', 2021), 16–17.

newspapers published articles with catchy headlines, calling to strengthen the work to identify the kulaks. V. Konasov notes that administrative pressure on the peasantry provoked retaliatory measures, in particular, murders of activists.⁴

The culmination of the terror was the so-called kulak operation, initiated by NKVD order no. 00447 as of July 31, 1937. According to this order, a quota was set for each region on the number of people to be repressed in two categories: the first category (execution by shooting) and the second category (imprisonment in correctional labor camps). Let us note that the peak of terror coincided with the formation of Vologda Oblast in September 1937. The main instrument of repression in the region was the regional NKVD administration. It was established at the same time and headed by S. Zhupakhin, a trustee of the USSR People's Commissar of Internal Affairs N. Ezhov.

According to the author, the targeting nature of political repression at the regional level was as broad as possible. It affected the leadership of the Party and Komsomol organizations, engineers and technicians, workers and employees, and also ordinary peasants. Often, the formal causes for repression were failures in the development of industry, agriculture, and transport due to the forced nature of collectivization and industrialization. The disruption of the “plans of the party and the people” was justified by the work of “saboteurs” and “enemies of the people” who had penetrated various spheres of the national economy. As a result, the representatives of the management of enterprises, specialists, and ordinary workers were held criminally liable for this disruption. According to the monstrous logic of the machine of terror, the family members of the “enemies of the people,” their wives and children, were also subject to repression. Reporting to the authorities became widespread, as evidenced by the fragments of letters from Soviet citizens calling for the arrest and trial of specific anti-Soviet individuals which were cited by the author.

The monograph also describes the repression of the NKVD organs against the clergy. This is done in detail, with specific examples. In terms of the number of people arrested and sentenced to execution, this social group was, perhaps, unrivalled. In 1937, 345 priests, monks, nuns, and ordinary parishioners were convicted in the case of the “church-monarchical insurgent organization” alone. Between October 1937 and April 1938, a total of 1 746 “church-kulak activists” were “taken away” from the region.⁵ It is illustrative that the cases of repression were most widespread in Belozersk Raion and Kirillov Raion, which had historically been the strongholds of the Orthodoxy in the country.

V. Konasov saw the reasons for the decreasing prevalence of Ezhovism, which was a popular name of N. Ezhov's policy and repression of 1937–38, in the chaotic

⁴ Konasov, *History of political repression and penitentiary practices*, 43–44.

⁵ Konasov, *History of political repression and penitentiary practices*, 54.

character of terror, the incipient collapse of the party administration, and the threat of the actual exclusion of the state security bodies from the control of the party.⁶ J. Stalin placed the responsibility for the arbitrariness and lawlessness going on in the torture chambers of the NKVD on the executors of party directives. The NKVD organs were subjected to a large-scale purge. The former head of the UNKVD Sergei Zhupakhin was arrested on December 14, 1938. On May 16, 1940, the Military Collegium of the USSR Supreme Court sentenced him to death for treason, undermining industry, transport, trade and money circulation, and organizing the work of the counter-revolutionary underground.⁷ A number of employees of the regional and district NKVD bodies who were convicted of gross violations of socialist legality shared the fate of their superior.⁸

According to the scholar, another important factor that stimulated the massive repression was the transformation of the penal system into a supplier of labor resources for the Soviet economy. This led to the formation of the GULAG system and its rapid growth in the 1930s. In the early 1940s, there were five forced labor camps in the territory of Vologda Oblast. They carried out hydro-construction works on the reconstruction of the Volga-Baltic Waterway and the Northern Dvina Waterway and the construction of the Cherepovets metallurgical plant. Most of the construction sites erected by the prisoners' hands were mothballed during the Great Patriotic War.

The third chapter of the monograph is devoted to the history of the Vologda exile in the 1930–1950s. With the beginning of forced industrialization and collectivization, the territory of the region became the final destination of tens of thousands of kulak families. Their forced labor was intended to develop the natural resources of the Northern Krai. Judging by the facts cited in the book, the situation of the exiles in the Vologda land was extremely difficult, which manifested itself in unsatisfactory conditions of transportation and accommodation, hard work in logging, mass morbidity, and high mortality. To control the moods of the former kulaks and prevent escapes, an extensive intelligence apparatus was formed.

Further in his work, V. Konasov describes the specific features of deportation and special settlement of other categories of the special contingent. Among them were the Ingrian Finns who were removed from their original places of residence during the “clearing operation” on the border on the eve of the war with Finland. Another group

⁶ Konasov, *History of political repression and penitentiary practices*, 57.

⁷ Konasov, *History of political repression and penitentiary practices*, 59–60.

⁸ For more, see M.A. Beznin, ed., *Trusted to protect the fatherland (from the history of state security bodies in Vologda Oblast)* [in Russian] (Vologda: VGPU, 2008), 302–10.

includes Polish *osadniks*⁹ and refugees¹⁰ who were deported from the territory of Western Ukraine and Western Belarus which became part of the USSR after the partition of Poland between the Soviet Union and Germany. The third group includes Soviet Germans, Chechens, and Ingush who were accused by the Stalinist leadership of mass collaboration during the Great Patriotic War. One more group includes the members of the Organization of Ukrainian Nationalists and their families who continued to fiercely resist the Soviet rule in Western Ukraine in the post-war years.

The fourth chapter investigates the problem of repression in the Red Army and in the Navy on the example of the fate of famous military leaders from among the Vologda residents. Many victims of the terror were the natives of the Vologda region: Commander of the Belarusian Military District I. Belov, commander of the Northern Fleet K. Dushenov, Deputy Chief of the General Staff of the Red Army V. Levichev, and others. The total number of the repressed representatives of the high-level commanding staff of the Red Army in the second half of the 1930s was over 900 people. Most of them were executed by shooting. According to V. Konasov,

it was a real catastrophe, incommensurable in scale with the losses of generals during the Great Patriotic War.¹¹

A new wave of repression swept through the army in the summer of 1941, after the outbreak of war. In V. Konasov's opinion, this time its cause was Stalin's desire to place the blame for a series of major defeats on the military leadership. It is noteworthy that in the fall of 1941, I. Konev narrowly escaped arrested. Konev was a native of Vologda Governorate, Commander of the 19th Army, and later Marshal, twice Hero of the Soviet Union, recipient of the Order of Victory, Commander-in-Chief of the Joint Armed Forces of the Warsaw Treaty Organization. After the end of the war, repression in the army continued. This can be illustrated by the so-called aviation and artillery cases and the disgrace of a number of prominent generals and naval commanders, for example, N. Kuznetsov.

The essays about military leaders, natives of the Vologda region who died or suffered from lawlessness during Stalin's time, brilliantly written by Viktor Konasov, help to better understand the mechanism of massive repression through the fates of certain people (arrests, interrogations, torture, execution by shooting, or sending to

⁹ In Poland, the colonists from among the demobilized participants in the Soviet-Polish war of 1919–20 were referred to as *osadniks*. They were allotted plots of land (*osada*) in the eastern territories of Poland by the government free of charge.

¹⁰ Persons who had arrived illegally in the western regions of the Ukrainian SSR and the Byelorussian SSR from the German-occupied Polish territories. Almost 85% of the refugees were Jewish by nationality and, fearing genocide by the Nazis, they sought to enter the Soviet zone.

¹¹ Konasov, *History of political repression and penitentiary practices*, 101.

labor camps) and to comprehend the atmosphere of general suspicion and spy mania that was prevailing in the Soviet Union. The titles of the essays speak for themselves: “Protector and Supporter of the Enemies of the People,” “Experienced Spy for Foreign Intelligence,” “Please Shoot Me, but Do Not Beat Me,” “He Does Not Plead Guilty,” and “This Is Not the Party I Fought For.”

The fifth chapter provides an analysis of the repressive policy and penitentiary practices during the Great Patriotic War, which, on the one hand, were accompanied by toughening of criminal penalties, and on the other, by the release of certain categories of special contingents to be sent to the front because of shortage of mobilization resources. In the extreme conditions of wartime, the authority of military tribunals was expanded, and the fight against deserters, speculators, and disseminators of defeatist rumors was intensified. It is important to note that the author opposes the stereotypical practice, deeply rooted in historiography, to assess the work of the NKVD bodies exclusively in negative tones. V. Konasov describes the facts when the employees of the internal affairs bodies identified violations of criminal and criminal procedural legislation, fought against criminality, and took part in solving social problems of the population.

The main tendencies in the work of places of detention during the war years were the evacuation of convicts from prisons, camps and colonies of the front line, an unprecedented increase in morbidity and mortality in places of detention, the revision of production activities of correctional labor institutions for military purposes. The change in the number and composition of special contingent was accompanied by the emergence of new types of detention facilities. In the territory of the oblast, special NKVD camps were established to confine the Red Army soldiers who had been held captive or surrounded by the enemy, as well as camps and special hospitals for the disarmed soldiers and officers of the enemy. The labor of prisoners of war was widely used at the enterprises and construction sites of all-Union and local significance. Intensive political work was done in the camps in order to re-educate the former servicemen of the enemy armies in an anti-fascist spirit. According to V. Konasov, despite the establishment of the GUPVI (the Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees, which was a special body under the NKVD of the USSR) the life of prisoners of war behind barbed wire continued “according to the well-established GULAG practices.”¹²

The sixth, and final, chapter of the monograph tells the reader about camps, prisons, and human destinies in the post-war decade. The author makes a quite well-grounded conclusion that the camp system survived the war but was seriously weakened. However, it began to grow rapidly again soon and reached its peak in the early 1950s. During this period large forced labor camps, the Vytegra camp and the

¹² Konasov, *History of political repression and penitentiary practices*, 106.

Sheksna camp, were restored and put into use in the territory of Vologda oblast. Both camps carried out the reconstruction of waterways. However, by this time, the crisis of the GULAG system had begun to be visible. It manifested itself in the loss of control over the huge “archipelago,” economic failures and expenses, the growth of the facts of camp banditry, sabotage, and disobedience of prisoners.

In the end of the book, the author writes about the long and controversial process of rehabilitation of victims of political repression, which began after Stalin’s death and is still incomplete. During the Khrushchev Thaw, the most odious normative legal acts were abolished, trumped-up criminal cases were reviewed, and many members of the Ministry of Internal Affairs, state security and justice agencies were replaced. As a result of the March 1953 amnesty, more than one million prisoners were released, and soon the former directors of state security bodies headed by L. Beria and V. Abakumov were brought before the court. Commissions began to work in the capital and in the regions to review the cases of those convicted of counterrevolutionary crimes. Hundreds of thousands of special settlers were gradually released from administrative supervision but not all of them were given an opportunity to return to their former places of residence.

During the so-called Era of Stagnation, attempts were made to return to the Stalinist ideological principles. The tragic events of the past began to be hushed up again, and the rehabilitation process was practically stopped. A new wave of rehabilitation of victims of mass political repressions fell on the years of Perestroika. The most important normative legal act was the Law of the RSFSR “On Rehabilitation of Victims of Political Repression” signed on October 18, 1991 by President Boris Yeltsin. For the first time, it provided a detailed list of actions to be considered as political repression and the grounds for rehabilitation.

Currently, the database “Victims of Political Terror in the Soviet Union,” compiled by the Memorial International Historical and Educational, Charity and Human Rights Society (International Memorial),¹³ contains more than 3.1 million names of citizens who suffered from political repression during the Soviet era.¹⁴ According to E. Zhemkova, the total number of people who underwent repression for political reasons in the USSR is about 11–11.5 million, of whom 4.7–5 million people were subjected to political repression on individual charges and 6.3–6.7 million people became victims of deportations.¹⁵

¹³ On October 4, 2016, Ministry of Justice of the Russian Federation included International Memorial in the register of “non-profit organizations performing the functions of a foreign agent.”

¹⁴ Victims of political terror in the Soviet Union [in Russian], International Memorial, accessed October 31, 2021, <https://base.memo.ru>

¹⁵ E. Zhemkova, “The scale of Soviet political terror” [in Russian], International Memorial, accessed October 31, 2021, <https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/masshtaby-sovetskogo-politicheskogo-terrora.pdf>

In the 1990s and 2000s, the employees of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs and the Directorate of the Federal Security Service of the Russian Federation in Vologda Oblast did a lot to create an electronic databank of the names of citizens who were subjected to political repression in Vologda Oblast during the Soviet era. In total, the electronic databases of the oblast MVD and FSB on persons persecuted for political reasons contain biographical information about more than 36 thousand people.¹⁶

One of the most important tasks today is to prepare and publish the *Book of Memory of Victims of Political Repression in Vologda Oblast*, which can only be accomplished by combining the efforts of historians, local history experts, and archivists, with organizational and financial support from the regional authorities. The publication of such a martyrology will become a worthy contribution to the study of the history of our region, a continuation of the scientific endeavors of Viktor B. Konasov, and an important achievement in preserving the memory of the victims of political repression in the 20th century.

In conclusion, it should be noted that Victor Konasov's book has a great moral significance, as with all its contents it shows the perniciousness of totalitarian practices of the Soviet state and the inadmissibility of the repetition of such tragedies in the future. We can fully agree with the words of Alexander Zeltser, the author of the foreword, the chairman of the board of the Association of Victims of Political Repression under the Council of Veterans of Cherepovets, the head of the project "We Are from the 20th Century":

Who is the reader of this book now? I will answer unequivocally: a thinking patriot who wants to see his country prosperous, but not at the expense of the slave labor of the GULAG prisoners, and to see its citizens possessing and responsibly enjoying universal human rights and freedoms, without fear of reprisals from the state. . . ¹⁷

Список литературы

1929: «Великий перелом» и его последствия: материалы XII Международной научной конференции. Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. / ответственный редактор А.К. Сорокин. Москва: РОССПЭН: Ельцин центр, 2020. 823 с.

¹⁶ "Rehabilitation of victims of political repression" [in Russian], Vologda Oblast official website, accessed October 31, 2021, https://vologda-oblast.ru/vlast/koordinatsionnye_i_soveshchatelnye_organyy/komissiya_po_reabilitatsii_zhertv_politicheskikh_repressiy/reabilitatsiya_zhertv_politicheskikh_repressiy

¹⁷ Konasov, *History of political repression and penitentiary practices*, 3.

Белова Н.А. Уголовно-исполнительная система и ее роль в реализации репрессивной политики Советского государства в 1937–1953 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. 220 с.

Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. Москва: РОССПЭН, 2004. 256 с.

Доверено охранять Отечество. (Из истории органов государственной безопасности в Вологодском крае) / под редакцией М.А. Безнина. Вологда: ВГПУ, 2008. 584 с.

Конасов В.Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2006. 311 с.

Кузьминых А.Л., Старостин С.И. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.). Вологда: Древности Севера, 2014. 688 с.

Мозохин О.Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953 гг.). Москва: Кучково поле, 2006. 480 с.

Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) Москва: РОССПЭН, 2010. 424 с.

Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. Москва: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. 632 с.

Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск: Поморский университет, 2007. 324 с.

Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. Москва: РОССПЭН: Ельцин центр, 2018. 919 с.

References

1929: 'Velikii perelom' i ego posledstviya: materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 26–28 sentyabrya 2019 g. [1929: 'The great turn' and its consequences: proceedings of the 12th international scientific conference. Yekaterinburg, September 26–28, 2019], edited by A.K. Sorokin. Moscow: ROSSPEN: El'tsin tsentr, 2020. (In Russian)

Belova, N.A. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema i ee rol' v realizatsii repressivnoi politiki Sovetskogo gosudarstva v 1937–1953 gg. (na materialakh Arkhangel'skoi i Vologodskoi oblastei)* [Penal correctional system and its role in the implementation of the repressive policy of the Soviet state in 1937–1953 (on the materials of the Arkhangelsk and Vologda oblasts)]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2014. (In Russian)

Dovereno okhranyat' Otechestvo. (Iz istorii organov gosudarstvennoi bezopasnosti v Vologodskom krae) [Trusted to protect the fatherland (from the history of state security bodies in Vologda Oblast)], edited by M.A. Beznin. Vologda: VGPU, 2008. (In Russian)

Konasov, V.B. *Istoriya politicheskikh repressii i penitentsiarnoi praktiki v Vologodskom krae (1918–1953)* [History of political repression and penitentiary practices in the Vologda land (1918–1953)]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2006. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L., and S.I. Starostin. *Polyaki v Vologodskoi oblasti: repressii, plen, spetsposelenie (1937–1953 gg.)* [Poles in the Vologda region: repression, captivity, special settlement (1937–1953)]. Vologda: Drevnosti Severa, 2014. (In Russian)

Mozokhin, O.B. *Pravo na repressii: vnesudebnye polnomochiya organov gosudarstvennoi bezopasnosti (1918–1953 gg.)* [The right to repression: extrajudicial powers of state security bodies (1918–1953)]. Moscow: Kuchkovo pole, 2006. (In Russian)

Suslov, A.B. *Spetskontingent v Permskoi oblasti (1929–1953 gg.)* [The special contingent in Perm Oblast (1929–1953)]. Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russian)

TePLYakov, A.G. *Mashina terrora: OGPU–NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [Machine of terror: the OGPU–NKVD bodies of Siberia in 1929–1941]. Moscow: Novyi khronograf; AIRO-XXI, 2008. (In Russian)

Upadyshev, N.V. *GULAG na Evropeiskom Severe Rossii: genezis, evolyutsiya, raspad.* [The Gulag in the European North of Russia: genesis, evolution, collapse]. Arkhangelsk: Pomorskii universitet, 2007. (In Russian)

Uroki Oktyabrya i praktiki sovetskoj sistemy. 1920–1950-e gody: materialy X mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Moskva, 5–7 dekabrya 2017 g. [The lessons of the October Revolution and the practices of the Soviet system. 1920–1950s: proceedings of the 10th international scientific conference, Moscow, December 5–7, 2017]. Moscow: ROSSPEN: El'tsin tsentr, 2018. (In Russian)

Vatlin, A.Yu. *Terror raionnogo masshtaba: 'Massovye operatsii' NKVD v Kuntsevskom raione Moskovskoi oblasti 1937–1938 gg.* [Terror on the district scale: 'Massive operations' of the NKVD in the Kuntsevo Raion of Moscow Oblast in 1937–1938]. Moscow: ROSSPEN, 2004. (In Russian)

Информация об авторе

Александр Леонидович Кузьминых – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России; <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>, istorial@mail.ru, Вологодский институт права и экономики ФСИН России (160002 Россия, Северо-Западный федеральный округ, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2)

Information about the author

Aleksandr L. Kuz'minykh – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and History of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia; <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>, istorial@mail.ru, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (2, ul. Shchetinina, Vologda, 160002, Russia)

Статья поступила в редакцию 03.11.2021; принята к публикации 19.11.2021.
The article was submitted 03.11.2021; accepted for publication 19.11.2021.